

Глава 1

ДОПРОС МИССИС СОФИ ХОКИНГ, ПРОВЕДЕННЫЙ СОТРУДНИКОМ МАРШАЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ США АМБРОУЗОМ ЛОГАНОМ

ДЕЛО № 069308

Официальная расшифровка

Сан-Франциско (штат Калифорния)

6 ноября 1906 г.

ВОПРОС: Спасибо, что почтили нас своим присутствием. Пожалуйста, назовите имя и фамилию, возраст, дату и место рождения. Для протокола.

ОТВЕТ: Софи Велан Хокинг. Родилась 24 августа 1884 года в Донагади (графство Даун, Ирландия). Мне двадцать два года.

ВОПРОС: Велан — ваша девичья фамилия, верно?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Спасибо. Теперь, с вашего позволения, я задам несколько вопросов для протокола, поскольку мы с вами еще не имели возможности беседовать. Вы эми-

грировали из Ирландии в Соединенные Штаты Америки в 1903 году и первые два года пребывания в этой стране жили в Нью-Йорке, в районе Нижнего Манхэттена. Так?

ОТВЕТ: Около двух лет. Не первые два года целиком.

ВОПРОС: Значит, вам было девятнадцать лет, когда вы эмигрировали?

ОТВЕТ: Да. Так почему мы с вами не беседовали раньше? Прежний следователь куда-то уехал?

ВОПРОС: Нет, следователь Моррис по-прежнему ведет это дело. Я к расследованию подключился совсем недавно. Я — сотрудник Маршалльской службы США.

ОТВЕТ: Сэр, я не знаю, что это такое.

ВОПРОС: Маршалльская служба США — федеральная правоохранительная структура, а не местная.

ОТВЕТ: Вот как... значит, вы тоже следователь?

ВОПРОС: Да. Я расследую преступления по федеральному уголовному праву. Мы можем продолжить?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Вы подтверждаете, что 10 марта 1905 года зарегистрировали брак с Мартином Хокингом в здании суда здесь, в Сан-Франциско?

ОТВЕТ: Да. Да, подтверждаю. Вам стало что-то известно о моем муже? Поэтому вы меня вызвали?

ВОПРОС: Возможно. И опять-таки для протокола: об исчезновении своего супруга, Мартина Хокинга, вы заявили спустя полтора месяца после землетрясения, произошедшего 18 апреля сего года?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Объясните, пожалуйста, почему вы лишь через полтора месяца соизволили уведомить полицию о пропаже вашего мужа?

ОТВЕТ: По работе он часто бывает в разъездах. Поначалу я точно не знала, что он пропал.

ВОПРОС: Прежде вы утверждали, что вместе с падчерницей, Кэтрин Хокинг, покинули свой дом на Полк-стрит в считанные минуты после землетрясения. Правильно?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: И ваш дом на Полк-стрит все еще стоял, когда вы его покидали?

ОТВЕТ: Он... внутри все побилось и обрушилось, дымоход обвалился, но дом, да, еще стоял.

ВОПРОС: А когда вы вернулись полтора месяца спустя, он тоже еще стоял?

ОТВЕТ: Я уже говорила полиции. Дом сгорел. Сгорели все дома на нашей улице. Все дома в нашем районе. Прошу прощения, сэр, разве вы не знаете, в каком состоянии город? Вы не смотрите по сторонам?

ВОПРОС: Миссис Хокинг, поверьте, я ни в коей мере не расположен иронизировать по поводу того, что вы потеряли дом. Я просто устанавливаю факты для протокола. Для моего протокола. Простите, что задаю вопросы, на которые вам уже приходилось отвечать. Но я должен их задать. Вы вернулись в ваш дом через полтора месяца после землетрясения и увидели, что он сгорел? От него ничего не осталось?

ОТВЕТ: Ничего, кроме пепелища.

ВОПРОС: И вы никак не могли знать, возвращался ли мистер Хокинг после землетрясения в дом до того, как он сгорел?

ОТВЕТ: Откуда? Меня ведь там не было.

ВОПРОС: Да, конечно. А теперь, с вашего позволения, давайте вернемся к тому дню, когда произошло землетрясение. По вашим словам, вы и Кэтрин нашли приют в лагере беженцев в парке «Золотые ворота», когда начался пожар. Так?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: И на протяжении всех четырех дней, что вы провели в лагере для беженцев, от мужа вы вестей не получали, верно? Он к вам туда не приходил?

ОТВЕТ: Нет. Как я уже говорила, он уехал в командировку. По работе он вынужден много ездить.

ВОПРОС: Итак, давайте уточним: ваш муж уехал в командировку до землетрясения и с тех пор не давал о себе знать?

ОТВЕТ: Нет. У вас появилась новая информация о том, где он может быть? По-моему, я имею право знать.

ВОПРОС: Да, у меня появилась кое-какая информация. Но, боюсь, эти новые данные не согласуются с тем, что нам уже известно. Поэтому мне необходимо пересмотреть некоторые сведения о его исчезновении, которые вы сообщили следствию на начальном этапе, и проверить, соответствует ли то, что я недавно выяснил, с ранее представленными фактами. Мы можем продолжить?

ОТВЕТ: Разумеется, если это поможет вам найти моего мужа.

ВОПРОС: Спасибо. Теперь для протокола скажите: вы сочетались браком с Мартином Хокингом в тот же день, как познакомились с ним, верно?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Позвольте узнать почему?

ОТВЕТ: Что «почему»?

ВОПРОС: Почему вы вышли замуж за мистера Хокинга в тот же день, как познакомились с ним?

ОТВЕТ: Разве законом запрещено вступать в брак с человеком, с которым ты только что познакомился?

ВОПРОС: Нет, не запрещено. Мне просто любопытно.

ОТВЕТ: Я вышла замуж за Мартина потому, что он сделал мне предложение.

ВОПРОС: Вы откликнулись на его объявление в «Нью-Йорк таймс»? О том, что он вдовец и ищет женщину,

которая стала бы ему женой и матерью его маленькому ребенку. Я правильно излагаю?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: И вы из Нью-Йорка приехали в Сан-Франциско, чтобы выйти замуж за мистера Хокинга, хотя знакомы с ним не были?

ОТВЕТ: Да.

ВОПРОС: Почему?

ОТВЕТ: Что «почему»?

ВОПРОС: Миссис Хокинг, вы отказываетесь объяснить, почему вы вышли замуж за человека, с которым только что познакомились?

ОТВЕТ: Я не отказываюсь, сэр. Я вышла за него замуж, потому что таково было мое желание.

Глава 2

Март 1905 г.

Я стою на пароме у поручней, смотрю на горизонт Сан-Франциско. Солнце растворяется, как чары. День завершится на ликующей ноте. *Ликование*. Это слово утром я нашла в папином словарики и с тех пор, как позавтракала, все ищу ему применение. *Ликование*, написал отец, это выражение счастья — чувства, возникающего у человека, когда он наконец обрел все, о чем всегда мечтал. Мне нравится, как это слово перекачивается на языке, когда я его произношу. Я хочу верить, что нынешний день принесет радость. Рассчитываю на это.

Мало кто из пассажиров парома находится на палубе, наблюдая, как золотистое солнце ужимается до тоненькой полоски, окаймляющей небо с западной стороны. Большинство сидит под крышей, прячется от ветра. Но я, шесть долгих дней проведя в поезде, теперь не желаю торчать в замкнутом пространстве.

Я закрываю глаза и, вдыхая пьянящий аромат океана, будто во сне, переносюсь в Донагади, в домик бабушки на высоком берегу, у которого плещется аспидно-серое

Ирландское море. В моем воображении он такой же, каким был в моем детстве, когда жизнь казалась простой и безыскусной. Я представляю бабушку: она на кухне, наливает мне сладкий чай, а морской бриз теребит тюлевые занавески, которые она перешила из своего свадебного платья через два дня после того, как сочеталась браком с моим дедушкой-англиканцем. На кухонном столе блюдо с узором из маргариток, на нем — красиво уложенное песочное печенье, еще теплое, только-только из печки. Она тихо напевает старинную ирландскую мелодию...

Нет, нет и еще раз нет.

Я уже сто раз все обдумала-передумала. На что готова пойти, лишь бы повернуть время вспять и опять оказаться в бабушкиной кухне. Чем готова пожертвовать. Что готова отдать.

Открываю глаза и снова вижу приближающиеся доки Сан-Франциско.

Теперь-то какой смысл оглядываться назад?

Отхожу от ограждения под сень навеса, поправляю растрепавшиеся волосы. Не хочу выглядеть как сорванец, когда сойду с парома. Не сегодня.

Смотрю на свою юбку, проверяю, сильно ли она изжевана. В сумеречном свете угасающего дня неопрятные складки не очень заметны. Из Нью-Йорка в Калифорнию я путешествовала в вагоне второго класса, а не в отдельном купе, отсюда и примятости. Впрочем, это было ожидаемо: Мартин Хокинг написал, что у него прочное финансовое положение, но он не богат. То, что у него есть деньги, само по себе чудо. Я согласилась бы поехать к нему и в багажном вагоне, лишь бы сбегать куда подальше от фабрики по производству зонтов, съемного угла в трущобах и особенно от таких же, как я, молодых ирландок, которые слишком часто напоминали мне о том, что я оставила на родине.

Хорошо, что мама не видит меня сейчас, а то как пить дать посадила бы на первый поезд назад до Нью-Йорка. Правда, мама не знает, сколь тяжело мне там жилось. Я не хотела ее волновать, потому ей неизвестно, что комната, которую я снимала вместе с четырьмя другими девушками, по площади не превосходила кухонный чулан, а источником воды для питья, купания и стирки служил водопроводный кран на задворках — один-единственный на все здание. Ей неизвестно, что все опорожняли свои ночные горшки прямо из окон, ведь туалетов в доме не было, — несмотря на предписание городских властей, — и там висел такой смрад, хоть топор вешай. То съемное жилище не имело ничего общего с домом, куда спешишь по окончании трудового дня. Просто комната с просевшими комковатыми матрасами, в которой ютились несколько человек. Вонючая дыра, где мечты о лучшей жизни умирают быстрее, чем рвется ветхая одежда, и где такие же, как я, девушки из Белфаста, Армы, Дерри и других ирландских городов коротали ночь.

— Я росла в Чикаго, — рассказывала сидевшая напротив меня попутчица несколько часов назад, когда наш поезд с пытением мчался по невадской пустыне. — И с нами по соседству жила одна женщина из Ирландии. В Америку она приехала девчонкой в ту ужасную пору, когда в Ирландии земля не давала урожай и нечего было есть. Это было давно. Я сама тогда еще не родилась, ну а уж вы тем более. Она говорила, что было страшное время. Голодная смерть косила целые семьи. — Женщина с жалостью покачала головой.

На моей родине не найдется ни одного человека, который не слышал бы про те долгие годы беспросветной нужды. В графстве Даун тот период ирландской истории получил название Великий голод — *An Gorta Mór* на гэль-